

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

НОГАЙСКАЯ ОРДА

Спецназ Ивана Грозного

Александр Тамоников

Ногайская орда

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Ногайская орда / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2019 — (Спецназ
Ивана Грозного)

ISBN 978-5-04-101701-9

Лето 1564 года. В Москву тайно пробирается мурза ногайской орды, желающий перейти на сторону московского государя. В доказательство своей преданности перебежчик сообщил, что один из его соседей собирается напасть на пограничные русские земли. Царь Иван Грозный возмущен наглостью ногайцев. Он приказывает князю Дмитрию Савельеву и его дружине нанести упреждающий удар. Отряд Савельева выдвигается к границам мятежного улуса. Остается последний бросок. Но в этот момент князь неожиданно узнает об истинном положении дел. Оказывается, коварный набег готовит не сосед, а тот, кто навязывается Москве в друзья. Обман и предательство налицо. Спасти ситуацию может только чудо или... военный талант Савельева.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101701-9

© Тамоников А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Тамоников

Ногайская орда

© Тамоников А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Деревня Тихомировка в Подмоскowie, менее чем в тридцати верстах от столицы русского государства, середина июня 1564 года от Рождества Христова

Ночь выдалась теплая, ясная. Деревня спала, только сторожевой пес бродил по единственной улице, идущей от дороги до околицы у леса.

На подворье князя Аркадия Дмитриевича Лаперина, вотчиной которого и являлась деревня, тоже было тихо. Всея охраны – аж один человек, сторож на башенке у ворот. Он отчаянно зевал, глядя на звездное небо и дивясь его красоте.

В нижних сенях княжеского дома за столом сидели управитель Богдан Табачник, старший охраны Данила Магоня и холоп Гришка Чибис. Он имел за двором собственную лачугу, в которой проживал с женой и сыном. У Табачника и Магони тоже были свои дворы, побольше. Они примыкали к городьбе прямо у леса.

Жена Табачника померла в прошлом году вроде бы от огненной хвори, но люди поговаривали, что Мария отдала Богу душу после того, как Табачник зверски избил ее, что делал не раз. Но следствия чинить никто не стал. Померла – так померла, обычное дело.

Молодая жена сбежала от Магони месяц назад. Она была выдана за него поневоле и не стала терпеть этого слюнявого и прыщавого мужика. В это же время куда-то подевался и бобыль по имени Юрий, проживавший в соседнем селе Зимино. Народ решил, что мужик и баба снюхались да подались в дальние земли от хозяина и мужа.

Магоня не особо печалился по поводу исчезновения Марии. Он тут же привел в дом помощницу стряпухи, привезенную в Тихомировку из Москвы. Девка Зара была сиротой. Князь Лаперин подобрал бедняжку в торговых рядах, пожалел, пригрел в вотчине, а Магоня подмял ее. Зара, конечно, не желала для себя такого удела, но поделаться ничего не могла. Допустим, пожаловалась бы она князю Аркадию Дмитриевичу, и тот наказал бы старшего своей стражи. Ну а потом-то что? Ведь Магоня наверняка отыгрался бы на ней так, что ее унесли бы на погост да похоронили рядом с Марией Табачник. Девка терпела.

В каморке мерцала дешевая сальная свеча, то разгоралась, то почти затухала. Над язычком пламени поднималась тонкая нитка черного дымка. Но света вполне хватало.

– Не пора ли?.. – спросил Гришка Чибис.

– Выйди стороною, будто до отхожего места, да погляди, где сторожа, чего делает на башенке Дубарь, – велел ему управитель.

– Угу.

– Ты разденься, иди в исподнем, словно только сейчас проснулся.

– Уразумел, Богдан.

Холоп Чибис разделся и тихо вышел в сени.

Отсутствовал он недолго, вскоре вернулся и доложил:

– Семен Гульян да Борис Шуба в комнатенке своей у нижнего крыльца. Я подошел к двери, открыл, посмотрел, послушал. Спят, похрапывают. Алешка Дубарь на башне, глядит туда-сюда. Меня увидел, спросил, чего это я брожу. Я ему, приспичило, мол, в брюхе резь и охота до ветру нестерпимая. Он, пес, заржал. Теперь, дескать, ты, бедолага, до самого утра бегать будешь. Я за угол, к отхожему месту, присел, посидел малость, пошел в обрат. А Леха опять ржет. Полегчало, мол?..

Табачник хлопнул ладонью по столу и заявил:

– Хватит! Ты всю ночь собрался рассказывать нам о пустой болтовне с этим пустым Лехой?

– Ты же наказал, Богдан, я исполнил.

Табачник поглядел на холопа и проговорил:

– Гриша, так Дубарь, стало быть, сказал, что ты всю ночь бегать будешь?

– Ага.

– Вот это хорошо, самое то, что нам и нужно, – сказал Табачник и достал из кармана штанов резак для работы по дереву.

Он выкрал его днем из комнатенки, в которой жил Алешка Дубарь. Тот был большим любителем этого дела. Когда выдавалось время, он вырезал разные игрушки, свистки и раздавал их местной детворе.

– И что? – не понял Чибис.

– Пустая твоя башка! Посидишь тут немного и опять побежишь в отхожее место. А по пути с Дубарем и справишься.

Чибис повертел в руках резак со сломанной ручкой и проговорил:

– И как Лешка умудряется этой штуковиной чего-то делать? Ведь из простого полена нарежет и медведей, и птиц, и свистков.

– Да, умелец. Но это вот мастерство и погубит его. Ты все уразумел?

– Да.

– Ну а как покончишь во дворе и оттащишь тело за баню, возьмемся за сторожей.

Магоня почесал загривок и сказал:

– Эх, мутное дело задумал ты, Богдан. Выгорит ли?

– Выгорит, коли слушаться меня будете.

– Маловато нас.

– Каждому больше достанется, – заявил Табачник, повернулся к Чибису и приказал: – Пошел!

Холоп в одном исподнем вышел в сени, оттуда во двор.

Завидев его, Дубарь рассмеялся и заявил:

– Ну вот! Правильно я говорил. До самого утра бегать тебе придется, Гришка, пока знахарь наш не проснется.

– Грех тебе смеяться над бедой товарища.

– Велика беда! Щей надо было меньше есть.

Чибис ничего на это не ответил, забежал за угол, посидел недолго у отхожего места, достал из-за пазухи резак, с ним вышел во двор и услышал:

– С облегчением тебя, Гришка.

– Я-то ладно, побегаяю, да и пройдет, а вот как ты теперь игрушки свои резать будешь?

Дубарь оборвал смех и спросил:

– А чего?..

Чибис показал ему резак.

Было темно, но Алешка разглядел свой инструмент и произнес:

– А я-то думал, что он где-то в комнате затерялся, после службы хотел поискать.

– Твоя драгоценность возле отхожего места валялась.

– Ай, спасибо, Гриша.

– За тобой теперь долг.

– Самой собой. Давай резак. Я как сменюсь, новую ручку к нему смастерю.

Чибис усмехнулся и заявил:

– Ага! Охота мне к тебе на башню лезть. Спускайся сам.

– Да ты кинь, я поймаю.

– Кину сейчас в отхожее место.

– Ладно, иду. – Дубарь спустился с башни, забрал резак. – Хорошо, что инструмент нашелся. Успею к приезду господ для княгини подарочек сделать.

– Что за подарок?

– Просила она меня сокола ей вырезать. Я дерево подходящее нашел, теперь... – Договорить он не успел.

Острый нож вонзился ему прямо в сердце.

Дубарь с изумлением взглянул на Чибиса, попытался что-то сказать, но глаза его начала заволакивать пелена. Он дернулся и упал в ноги убийцы.

Чибис выдернул клинок, вытер о штаны покойника, взял его за ноги и оттащил за баню. Он вернулся, посмотрел, кровавого следа не увидел, но подумал, что смотреть надо будет позже, как просветлеет. Сейчас, в темноте, можно и не заметить.

Чибис вышел к дому, в дверях которого стоял Табачник, поднял голову и провел рукой по горлу. Управитель кивнул и скрылся в сених. За ним прошел в дом холоп. Устроились в комнатенке.

Чибис прилег на нары.

– Ты чего это, Гришка? – спросил Табачник.

– Ничего. Я свое дело сделал. До рассвета поспать можно.

– А башенка?

– Что башенка?

– Вдруг кто из мужиков соседних пойдет к отхожему месту, посмотрит на подворье и не увидит сторожа?

– Да кому надо по сторонам глядеть?

– Нет, в нашем деле никак нельзя допускать даже мелких промахов. А если кто увидит и утром расскажет другим? Так вот и дойдет до князя, что на башенке ночью почему-то никого не было. Всякое может случиться, Гришка. Посему одевайся и лезь туда.

– И что, мне так до утра и торчать там?

– У тебя будет время выспаться, коли все пойдет по-нашему. Сашке Тугину у монастыря нисколько не легче.

– Он-то хоть поспать может.

– Не может! Нет у него такого права. Он за дорогой и монастырем смотреть должен. Или ты не желаешь получить деньги и уйти с ними в чужие земли? Так скажи. Я освобожу тебя.

Чибис покосился на Табачника и пробубнил:

– Да, ты освободишь. Мигом на тот свет меня отправишь.

– Хорошо, что ты это разумеешь. Исполни наказ.

Чибис тяжело вздохнул, вышел из дома и занял место Дубаря на башне.

Табачник и Магоня прилегли на нары.

Встали они на рассвете, покуда деревня еще не ожила, тщательно убрали все следы своих преступных деяний.

Магоня осмотрелся и спросил управителя:

– Так ты мыслишь, Богдан, что стрелять ловчее с твоего двора?

– Да, из-за городьбы. Но только так, чтобы не пострадала семья князя. Иначе вся наша затея провалится. Лук и стрелы уже там, увидишь, как перелезешь, подле конюшни.

– Уразумел. А теперь чего делать?

– Жрать готовь.

– А может, Вальку, жену Чибиса заставим?

– Нечего ей в дела наши лезть.

– Все одно прознает, когда главное свершится.

– Ничего, она после этого долго не проживет, как и мужик ее, да и сын заодно.

Магоня посмотрел на управителя поместья и спросил:

– Так ты что же, решил и их всех под нож?

– А на что они нам сдались? Делиться только, а проку мало. Семейка Гришки мешаться будет. Особенно жена с сыном. Так что всех убираем, но только потом, как получим то, что нам требуется.

– Трех, значит, еще придется бить.

– И что? Вдвоем и приедем! А вместе с ними еще и Сашка. Надо доводить дело до конца, не останавливаться ни перед чем.

– А потом ты избавишься и от меня? – осведомился Магоня и подозрительно посмотрел на Табачника.

– С ума спятил? Как я один уйду? – проговорил тот.

– Как только окажемся в чужих краях, ты меня сразу и прирежешь.

– Нет, Данила, ты мне нужен будешь и на чужбине. Одному там не выжить. Двоим можно. Так что мысли дурные из головы выкинь. Избавляются от того, что не нужно, а мы с тобой необходимы друг другу.

– Ладно, поглядим, как все сложится. Но не обижайся!.. Предупреждаю, что зарезать себя я не дам. Сам кого хочешь прибить могу.

– Да знаю и никакой обиды на тебя не держу. Солнце уже поднялось. Пора бы и позавтракать. Вари кашу.

Но делать этого Магоне не пришлось. На подворье появилась жена Чибиса Валентина с пятилетним сыном Алексеем. При ней был довольно большой узелок.

– Доброго утра вам, мужики.

– Доброго, Валюша. А ты никак харч мужу принесла?

– Для всех.

Чибис, по-прежнему находившийся на башенке, услышал ее и недовольно воскликнул:

– Почему для всех-то? Или ты богачкой стала?

– Так просо пропадает, еще немного, и совсем испортится.

– Поросенку скормила бы.

– Ему пока есть что давать.

Табачник почесал затылок и сказал:

– Что ты за человек такой, Гришка? Супружница твоя угостить нас захотела, а ты ее упрекаешь. За кашу я тебе заплачу.

– Это совсем другое дело. Харч главное, без него не проживешь. Грянет голод, и пропащее зерно в радость покажется. Так я спущусь, Богдан?

– Спускайся.

Валентина выставила на стол в летней кухне чугунок с кашей, хлеб, овощи.

– Кушайте на здоровье, люди добрые.

Чибис злобно посмотрел на нее и гаркнул:

– Выставила харч, да и проваливай отсюда! Нечего среди мужиков бабе делать.

– Да, конечно. Ты тогда чугунок принеси.

– Принесу.

Табачник тем временем потрепал сына Чибиса по шевелюре и спросил:

– Как дела, Лешка?

– Хорошо, – ответил малолетка и спрятался за юбкой матери.

– Ты не бойся, Лешка, тут тебя не обидят, – сказал Табачник, повернулся к Чибису и добавил: – Его к ребятам чаще пускать надо, а то нелюдимый он у вас.

– Мал еще. Ты обещал заплатить.

– Держи. – Богдан дал Чибису полушку, то есть четверть копейки.

Тот взял монету и проговорил:

– Мог бы и больше дать. Полкопейки хотя бы.

– Хватит с тебя и этого.

Валентина взяла платок, в который был завернут чугунок с кашей, и вместе с сыном ушла в свой двор.

Холопы князя Лаперина и управитель поместья, который был свободным человеком, сели трапезничать.

После завтрака Магоня ушел во двор Табачника, нашел лук, стрелы, выбрал место, откуда хорошо просматривались ворота и подворье за ними.

Чибис убрал посуду и сел на скамью перед крыльцом.

Неожиданно к воротам подлетел конь, и всадник начал стучать в створку.

Чибис поднялся, открыл ее.

Во двор въехал всадник.

– Сашка? Ты откуда?

– Оттуда! Где Богдан?

– Тут я. – Табачник вышел из-за угла дома. – Ты чего прискакал, Сашка?

– Так увидел повозку князя. При нем семейство, Гулян, Шуба и Бобрик. Они в Николо-Угрешскую обитель заехали, а я рванул сюда. Скоро дорогие гости пожалуют.

– Но они вроде должны были к полудню подъехать.

– Ты считаешь, что я не узнал князя Аркадия Дмитриевича?

– Так, стало быть. Понятно. Тогда коня в конюшню, и все по местам. Начинаем, как только подам сигнал, уроню шапку на землю. Разошлись быстро!

Преступники выполнили наказ своего главаря.

Через полчаса повозка, сопровождаемая двумя всадниками, въехала в открытые ворота. Из нее вышли князь Лаперин, его жена Екатерина с двухлетним сыном Демидом на руках и их пятнадцатилетняя дочь Дарья. Всадники соскочили с коней. Возница Анатолий Бобрик повел повозку к конюшне. Чибис закрыл ворота и отправился туда же, ведя в поводу коней охранников.

Табачник вышел вперед, снял шапку, поклонился и проговорил:

– Доброго здоровья вам, господа. Добро пожаловать в вотчину.

– Приветствую тебя, Богдан, – ответил князь. – Как тут дела?

– Слава богу, все хорошо.

Князь потянулся и сказал:

– Засиделись в повозке.

Екатерина Павловна опустила на землю сына. Тот сделал два шага, упал и заплакал. Пришлось матери вновь брать Демида на руки.

Позади княжеской семьи встал Сашка Тугин. Охранники находились у ворот.

У конюшни в это время Бобрик попросил Чибиса:

– Помоги, Гришка, распрячь коня.

– Конечно, Толя.

Чибис подошел к вознице, осмотрелся, убедился в том, что никто их не видел, выхватил нож. Все произошло быстро. Бобрик и вскрикнуть не успел, как Чибис вонзил ему в спину клинок и бросил тело в конюшню.

Кони испугались и заржали.

– Чего это там? – спросил князь.

– Кони чужих почуяли, – ответил Табачник.

– Да?

Тут Чибис вышел из-за дома.

– А где Магоня? – поинтересовался князь Лаперин.

– Да рядом он, князь, совсем недалеко, – с ухмылкой проговорил Табачник и обронил шапку на землю.

Семен Гулян и Борис Шуба, стоявшие у ворот, вдруг упали, сраженные стрелами.

– Что? – выкрикнул князь. – Измена?..

Табачник без размаху ударил его в лицо. Силу управитель имел немалую, разбил нос и бровь, бросил своего господина на землю, навалился на него, достал из ножен саблю, нож.

Княжна Дарья вскрикнула.

К ней бросился Тугин, сбил с ног, повернул на живот, быстро связал руки. Чибис точно так же управился с княгиней. Вдобавок он заткнул женщине рот и примотал к ней ее сына.

– Что это значит, Табачник? – прохрипел князь.

– А ты еще не уразумел, Аркадий Дмитриевич? Власти твоей конец пришел.

– Ты очумел? Люди видали, как мы заезжали на подворье. Придут ко мне по своим делам, а тут такое. Тут же всадник полетит в обитель, а оттуда весть уйдет на Москву. Оглянуться не успеешь, как царская дружина подойдет и порубит вас всех на куски. У царя с разбойниками разговор короткий. Опустит жену и детей, сдавайся. Так и быть, отпущу вас, бегите. Вот только долго ли?.. – Договорить он не смог.

Табачник еще раз ударил его и заявил:

– Заткнись, князь, и слушай меня! Никто сюда не придет и тебе не поможет. А на Москву ты сам поспешишь, но не за подмогой, а за кое-чем другим.

– Что ты задумал? – спросил князь.

– Дочка у тебя весьма пригожая. Да и жена еще ничего. Ты же не хочешь, чтобы мы их при тебе насильничали, а убудка твоего малого зарезали, чтобы не орал, не мешал нам?

– Вы не сделаете этого!

Табачник кивнул и проговорил:

– Не сделаем, коли ты поведешь себя правильно, сделаешь то, что нам нужно.

– Что именно?

– Да малость. Всего триста рублей. У тебя денег много, не обеднеешь. Приведешь себя в порядок, поедешь обратно на Москву, как раз под вечер вернуться успеешь. Коли привезешь деньги, то заполучишь свою семейку целой и невредимой. А приведешь ратников, так мы их издали увидим. Тогда конец придет жене твоей, дочери и сыну. А перед тем как порубить баб, мы сделаем с ними то, что было сказано, обещаю. А мое слово, князь, крепкое.

Аркадий Дмитриевич вздохнул и проговорил:

– Ладно, привезу деньги. У меня столько не будет, но найду. А как я могу верить, что, заполучив деньги, ты не убьешь всех, перед тем как уйти?

– Ты же умный человек, князь, а простых вещей понять не можешь. Зачем нам убивать тебя, если это уже наутро станет известно селянам? Тогда псы царя устроят на нас охоту как на волков. Мне этого не надо. Я должен в Литву уйти. Значит, ты дашь мне деньги, и я верну тебе дочь, а жену с сыном возьму с собой. Ты выдашь ей грамоту, что едет она к родственникам в Брянск, вернее, в приграничное селение. Мы уедем на повозке. Ты можешь следовать за нами. Как перейдем границу, заполучишь и жену, и сына. Повозку, извиняй, не верну, так что прихвати с собой из Москвы еще одну. Сделаешь, как сказано, и семейку свою спасешь, и деньги вернешь. С вотчины возьмешь да с царской казны. Разойдемся мирно. Ну а приведешь ратников, то пеняй на себя.

– Я привезу деньги. Хотя мог бы обмануть вас и привести сюда дружину. Тогда вы погибли бы.

– Твоя правда, князь. Но как жил бы ты, после того как мы насильничали и убили бы твою жену и дочь, а потом и сына? А там, глядишь, и тебя стрела достала бы. Подворье крепкое, оборону держать можно, оружие у нас есть. А подыхать нам не страшно. В этом не сомневайся. Быть вечным холопом, унижаться, угождать, быть наказанным за малую провинность или проданным как раб. Да разве это жизнь?

– Я же дал тебе вольную, Табачник.

– За это спасибо. Она мне поможет на новом месте обустроиться. Ну так что, порешили?

– Да.

Табачник поднялся с князя, отбросил ногой его оружие.

– Последите, чтобы князь привел себя в порядок, дайте свежего коня. Ему срочно надо ехать в Москву, – сказал он Чибису и Магоне, подошедшему к ним.

Князь поднялся.

Жена и дочь смотрели на него испуганными глазами. Даже двухгодовалый сын вроде бы понимал, что во дворе творится что-то неладное, но кричать нельзя.

– Не бойтесь, Катя, Дарья, смотрите за Демидом. Табачник хочет выкуп за вас получить. Я привезу деньги, отдам ему и скажу вам, что делать дальше. Не беспокойтесь, пройдет немного времени, и мы вернемся сюда, – сказал Аркадий Дмитриевич.

Он зашел в дом, в кухню, где стояла бадья с водой, ополоснул лицо. Рубаха его была в крови, князь сменил ее.

– Саблю возьму, – сказал он Табачнику. – Какой я князь без оружия?

– Ты бери коня и выезжай за ворота. Я брошу тебе твою саблю. И гляди, вернуться с деньгами ты должен до темноты. После найдешь здесь только изуродованные трупы. Все. Сашка!

– Тут я, Богдан.

– Коня князю!

– Слушаюсь.

Лаперин выехал с подворья. Табачник бросил ему саблю. Князь подобрал ее и погнал коня в сторону монастыря.

Табачник наказал поделщикам:

– Бабу, девку и ублюдка в опочивальню, там всех развязать и посадить на пол. Магоне охранять, Сашке быть на подхвате. Для оправления нужды поставить в комнату бадью, дать хлеба и воды.

Тут в ворота кто-то постучал.

Чибис встревоженно взглянул на Табачника и спросил:

– Кто это?

– Сейчас узнаем.

– А коли монахи вооруженные?

– А коли черти с рогами? – передразнил его управитель. – Башкой думай, Гришка! Как они успели бы подъехать? И князь не дурак, шума подымать не будет, за семью свою все отдаст, а надо будет, то и сдохнет. Привезет деньги. Шум ему не нужен.

Управитель подошел к воротам, открыл калитку.

За ней стояли мужики из деревни.

– Чего вам? – спросил Табачник.

– Да видели, как князь с семьей приехал, к нему бы надо.

– А не видели, что князь уехал обратно?

– Так тот всадник и был Аркадий Дмитриевич?

– Да. Забыл чего-то в столице. Будет завтра утром. Дома только княгиня и дети. Они вам нужны?

– Нет, к князю разговор есть.

– Все жалобы друг на друга собираете? Землю поделить не можете?

– Да, не получается. Надоело спорить, хотим, чтобы князь порешил это дело раз и навсегда.

– Я передам ему. А вы подходите утром. Другим людям в деревне скажите, что Аркадия Дмитриевича сегодня не будет. Все дела завтра. Уразумели?

– Уразумели.

– Ну и с Богом!

Табачник захлопнул калитку, набросил на крюки ворот большую доску и прошел в дом. Там достал из шкафа кувшин с крепким хлебным вином, отпил немного прямо из него, крикнул, поставил посудину на стол, вытер усы и бороду, сел на лавку, вытянул ноги.

«Похоже, все у меня получится, – подумал он. – Князь привезет деньги и никому не расскажет о том, что случилось на подворье. Побойтся он болтать. Ведь пригрозил я ему, что жена с сыном до границы со мной поедут. Рисковать он не станет и поплатится за это. Никто отсюда не выйдет, кроме меня да Магоны. Да и Даниле дорога только до границы. Далее и он не нужен станет. Но загадывать не следует. Неизвестно еще, как все на самом деле будет. Должно получиться. А если нет, то с меня голову снимут. Но все сложится хорошо».

Табачник поднялся, прошел в княжескую опочивальню, расположенную на втором этаже. Там Екатерина Павловна, Дарья. Рядом с матерью сын. Широкие лавки с ворохом перин, простыней, подушек. На столе краюха хлеба и кувшин с водой. До вечера хватит. Перед дорогой поедят.

Магоня сидел на лавке в углу с топориком в руках и похотливо смотрел на Дарью.

– Данила! – окликнул его Табачник.

– Чего?

– Не балуй! Мысли дурные из головы выбрось.

– Я ничего.

– Рот прикрой!

– Понял.

– Я тебя предупредил! – сказал Табачник, прошел в сени, спустился с верхнего крыльца на нижнее, подумал, прошел к башенке, поднялся на нее и осмотрелся.

Деревенский люд в поле, на пастбище. Дорога к монастырю пуста. На небе ни облачка. Душновато, да и жарко. Дождя бы немного не помешало, пыль прибить. Хотя нет, лучше не надо. Всадник даже один поднимет пыль, а уж дружина – целое облако. Не нужен дождь.

Он расстегнул ворот рубахи, оперся о стойку навеса и продолжал осматривать округу. Кругом все было точно так же, как и всегда, словно на подворье князя не случилось ничего страшного.

Князь Дмитрий Савельев с женой Ульяной и двухгодовалым сыном Владимиром уже вторую неделю подряд проводил в своей вотчине, в деревне Калма. Она была расположена в двадцати верстах на северо-запад от столицы государства Российского, на берегу Москвы-реки, несущей свои воды к Коломне, к Оке.

Вотчина князя была крепкой, богатой. Во многом за это надо было благодарить управителя Акима Севастьянова. Он строго следил за порядком в деревне и ходом полевых работ, не обижал народ. На Юрьев день, в те две недели, когда крестьяне могли уйти от прежнего хозяина к новому, на другие земли, из Калмы не уходил никто. А вот желающих поселиться в деревне было много.

Добрая слава о ней распространилась далеко. Народ знал, что хозяин вотчины князь Дмитрий Савельев относился к своим работникам по-людски, не самодурствовал, не обирал их до нитки, напротив, создавал все условия для спокойной, нормальной жизни. Посему вблизи деревни стали появляться починки, то есть хутора в несколько дворов.

В июне месяце дождей не было, стояла засуха. Урожай обещал быть хуже, чем в прежние годы. Поэтому князь Савельев на всякий случай закупил и зерно, которого хватило бы всей деревне на целый год. А не окажется в нем нужды, то следующим летом его можно будет и продать, пусть и дешевле. Князь не обращал на это внимания.

Большую часть нынешнего дня Дмитрий, его жена и сын провели на улице. Они катались на лодке по Москве-реке, ездили в лес, гуляли по лугу. Княгиня Ульяна оставила сына мужу, как маленькая девочка собирала цветы, плела из них венки, счастливо смеялась.

За полдень Дмитрий решил, что пора возвращаться домой. Сын Владимир все чаще зевал. Пора было обедать и отдыхать.

На подъезде к подворью Дмитрий заметил, что ворота открыты. За ними стоял чужой конь под седлом. Он узнал его. Это был скакун князя Крылова. Вот так подарок! Обещался Юрий Петрович приехать, да так и сделал. Непонятно только, почему прислуга не ставит коня в конюшню.

Ульяна тоже заметила скакуна и спросила:

– Это, кажется, конь князя Крылова?

– Да.

Ульяна поморщилась и заявила:

– Вот и кончился наш отдых.

– Не знаю. Думаю, что Юрий Петрович просто в гости наведался. Давно обещал.

– Ты на коня посмотри, Дмитрий. Он весь в поту. Гнал его князь. Так в гости не ездят.

– Твоя правда, – сказал Савельев и напрягся.

Повозка встала у ворот, не въезжая во двор. На одном колесе треснул металлический обод. Его надо было сменить. Княжеская семья покинула повозку, и кучер поехал в кузницу.

Дмитрий и Ульяна с сыном на руках вошли во двор.

Князь Крылов стоял перед управителем и говорил ему:

– Срочно найди мне Дмитрия Владимировича! Понимаешь, Аким? Сей же миг!

– Да где же?.. Хотя искать уже не надо. Вот же он, сам приехал.

Крылов повернулся, увидел Савельевых, пошел к ним.

– Наконец-то ты вырвался к нам, Юрий Петрович, – с улыбкой проговорил Савельев. – Хотя я сразу понял, что приехал ты не в гости, но очень рад тебя видеть.

– Доброго здравия вам. Ты прав, Дмитрий Владимирович. У меня и вправду неотложное дело к тебе, заставившее гнать коня.

Ульяна кивнула вельможе, приближенному к царю и сказала мужу:

– Я к себе, кормить Володьку. Потом молитва и обед. Если надо уехать, скажи.

– Непременно. Случилось что, Юрий Петрович?

– Случилось! Такого ранее на Руси не было.

– Вот как? И что это за чудо произошло?

– У нас очень мало времени. Государь повелел мне найти тебя и ехать в Николо-Угрешский монастырь, куда подойдет твоя дружина. Подробности дела по пути поведаю, Дмитрий.

– Но в двух словах прямо сейчас сказать можешь?

– Челядь захватила семью князя Лаперина, их главарь, управитель вотчины, вольный мужик Табачник затребовал выкуп за жену, дочь и малого сына князя. Дал время, которое тает как весенний снег.

– Это действительно что-то новое. Ты погоди чуток, Юрий Петрович. Я быстро переоденусь, захвачу с собой какую-то еду, предупрежу Ульяну, и поедем.

– Пообедаем в монастыре. Там же и помолимся, и свечи поставим, как вызволим семью князя из рук разбойников.

– Добро, предупрежу Ульяну.

Княгиня очень удивилась, когда Дмитрий быстро изложил ей причину отъезда.

– Да как же так? Разве можно на хозяев руку подымать?

– Я не ведаю, кто такой Табачник, но понимаю, что малый не глупый, коли такое дело задумал. Я поеду, Ульяна. Надо помочь.

– Да, конечно, Дмитрий. Пожалуйста, будь осторожен.

– Обязательно.

Дмитрий поцеловал Ульяну и сына, быстро облачился в легкие доспехи, подвесил через плечо саблю в ножнах и вышел во двор, где служка держал за поводья пару коней. Скакуна

Крылова, дабы не загнать совсем, князья решили оставить на подворье. Юрий Петрович получил коня из конюшни Савельева.

Князья вскочили в седла и пошли по дороге к большому тракту, тянувшемуся вдоль Москвы-реки, которая делала поворот сразу за деревней.

Доехав до берега, Дмитрий повернулся к Крылову и сказал:

– Ну, Юрий Петрович, давай, выкладывай подробности разбойных дел в вотчине князя Лаперина.

– Слушай.

Крылов рассказал все, что знал со слов князя Лаперина, прибывшего в Москву и сразу же направившегося в Кремль. Государь отрядил на помощь ему особую дружину.

– Вот так, Дмитрий, – закончил повествование князь. – Такие вот у нас невеселые дела.

– Где сейчас моя дружина? – спросил Савельев.

– Я направил ее в монастырь. От него всего три версты до Тихомировки.

– Но там открытая местность.

– Не везде. За деревней в конце улицы, где усадьба князя и дворы его холопов, лес, сбоку тоже, река рядом. От монастыря дорога открытая. Но ведь деревню можно и объехать.

– Это решим на месте. Значит, у разбойников в плену жена, дочь и малолетний сын князя Лаперина?

– Да. Табачник обещал изнасиловать жену и дочь, а потом убить всех, если Лаперин не привезет нужную сумму сегодня же, до темноты.

– Это он зря сказал, – заявил Дмитрий и сжал зубы.

Крылов пояснил:

– Государь наказал Табачника живым доставить на Москву.

– Это не спасет его от лютой смерти на плахе.

– Да, но надо еще освободить семью.

– Будем стараться. Тут важно, как поведет себя Табачник. Разбойник наверняка долго обдумывал план захвата пленных и отхода. Такие дела с кондачка не делаются. Значит, и нам придется крепко поразмыслить, прежде чем напасть на подворье.

– А времени у нас мало. Дотемна. На все!

Дмитрий не ответил, он уже обдумывал свои ближайшие действия. Уничтожение шайки – да, с этим трудностей не будет. Но вот как захватить живым главаря и сохранить жизнь семьи князя Лаперина?..

Крылов оторвал Дмитрия от раздумий.

– Как мыслишь, удастся нам выполнить задание государя? – спросил он.

– Что тебе ответить, Юрий Петрович? Семейю, думаю, освободим. А вот получится ли взять живым главаря шайки, не знаю. Это не только от нас зависит.

– От кого же еще?

– От него самого. Прижмем поганца, а он чиркнет себя по горлу ножом, да и все!

– Надо бы выполнить наказ точно.

– О том и думаю.

Деревни Калма и Тихомировка стояли близко, их жители знали друг друга. Но всадникам наперво требовалось заехать в монастырь, а это крюк. Десять верст они прошли за час.

В обители было спокойно, словно поблизости не случилось ничего страшного.

Во дворе уже находилась дружина Савельева, которая стала меньше на одного воина. Полтора года назад в Полоцке погиб лучник Тарас Дрога. Замены ему князь Дмитрий до сих пор так и не нашел. Поодаль от дружинников, которые спешили и держали коней под уздцы, стояли еще четыре ратника.

Настоятель вышел, поприветствовал вельмож и удалился на дневной покой. Он свое дело сделал. Приветил дружину, охрану Крылова, накормил и напоил как ратников, так и коней.

Завидев воеводу, Гордей Бессонов дал команду дружине построиться. Дмитрий поприветствовал своих ратников, они ответили ему тем же. Крылов подозвал одного из четверых воинов, которые держались в стороне. Тот подошел.

– Это Петр Баталов, Дмитрий Владимирович, ратник моего охранного отряда, отличный лучник, между прочим. Вот решил показать тебе, может, возьмешь вместо Тараса. Того уже не вернешь, а лучник в дружине нужен. Человек не со стороны, а свой, проверенный. Баталов у меня давно служит, хороший воин, – проговорил Крылов.

Дмитрий взглянул на ратника, кивнул и сказал:

– Вставай в строй, Петр! Посмотрим, на что ты годеи. Дружине находиться во дворе, ожидать приказа. – Савельев повернулся к Крылову и спросил: – Князь Лаперин должен сразу в Тихомировку ехать или сюда?

– Конечно, сюда, Дмитрий. Он же помощи нашей ждет.

– Где мы можем спокойно обдумать план действий, Юрий Петрович? Настоятель не выделит нам келью?

– Уже выделил мастерскую, где кресты делают.

– Хорошее место, – с улыбкой сказал Савельев.

– Да, совсем неплохое. Просторно, чисто, есть стол, лавки. Там же и пообедаем.

– Ладно, куда идти?

Крылов подозвал монаха, который стоял за деревом у сторожки. Тот провел вельмож в большое двухэтажное здание. Наверху были кельи, внизу – кладовые и разные мастерские, даже кузница. Братия жила за счет пожертвований и собственного труда. Но монахи больше надеялись на себя, оттого мастеров среди них было много.

Мастерская оказалась действительно чистой, просторной и светлой. В одном углу доски, в другом – готовые кресты. Посредине длинный стол и лавки.

Этот же монах вместе с товарищем принес гостям обед. Прежде чем приступить к нему, вельможи помолились на образа, украшавшие мастерскую.

Потом Крылов поблагодарил монаха за угощение и сказал ему:

– Как приедет из Москвы князь Лаперин, приведи его сюда. Знаешь такого?

– Знаю. Его вотчина в деревне Тихомировка, что в трех верстах отсюда.

– Был там?

– Был, но только в лесу за деревней. Там грибов да ягод много. Мы их собираем, сушим на зиму. Обычное дело.

– Ходил в лес через деревню? – спросил Савельев.

– По-разному. Когда по деревне, в другой раз в обход. На лесных полянах, что слева от Тихомировки, грибов тоже много.

– Значит, к лесу можно пройти скрытно от жителей деревни, так?

– Можно, отчего нет?

– Добро. Значит, хозяина деревни сюда, как только приедет.

– Вы кушайте на здоровье, а то уха остынет. Не беспокойтесь. Я все сделаю как надо.

Савельев с Крыловым пообедали. Монах убрал посуду, протер стол и вышел из мастерской. Через какое-то время он вернулся туда вместе с князем Лапериным.

Тот выглядел встревоженным, уставшим. Бледность покрывала лицо, пальцы заметно дрожали.

Он поприветствовал Савельева и Крылова, сел за стол, посмотрел на Юрия Петровича, которого хорошо знал, и осведомился:

– Ты уже и воинов привел сюда?

– А как же без них-то?

– А как с ними? Этот пес Табачник хитер. Он наверняка посадил холопов смотреть за округой и деревней.

– Может, и в лес кого отправил? – спросил Дмитрий.

– Это вряд ли. На подворье осталось немного людей. Сам Табачник, холоп Данила Магоня, тот, который из лука убил двоих моих охранников, Сашка Тугин да Гришка Чибис. Они могут смотреть только за деревней и округой. В лес Табачнику засылать уже некого.

– Ты чертеж деревни и своего подворья сделать можешь? – спросил Савельев.

– Могу, но время!.. Табачник предупредил, чтобы я деньги засветло привез.

– Успеем. Не обязательно, князь, беспрекословно исполнять волю холопа.

– Табачник вольный человек.

– Какая разница? Был холопом.

– Ты не знаешь его, князь. Он убьет мою семью.

– Нет, Аркадий Дмитриевич, – заявил Крылов. – Он этого не сделает, покуда у него есть надежда заполучить за них большие деньги.

– Он предупредил меня о том, что так и поступит.

– Ты чертеж сделай.

– Мне нужна бумага и писчие принадлежности.

Крылов позвал монаха, и тот принес все, что требовалось.

Вскоре чертеж был готов.

Савельев посмотрел на него и проговорил:

– Так, что мы видим? Полосу леса, большой овраг и поляну, тянущуюся до него. Усадьба твоя, князь, стоит на самой окраине деревни. Рядом с ней только дома твоего управителя и холопов. На подворье у тебя дом, баня, конюшня, разные клетки и хозяйственные постройки, городьба высокая, ворота, рядом с ними башенка. Она-то для чего?

– Да как-то втемяшилось мне в голову поставить ее, чтобы сторож мог видеть всю округу.

– Ладно, все понятно. Дом обычный, с подклетью. Снизу кладовые и мыльня, наверху горница и еще три комнаты. Как думаешь, князь, где теперь находятся твои жена, дочь и сын? Мальчонка-то, конечно, с матерью, а вот дочь разбойники от них не отделили?

– Когда уезжал, они еще во дворе были. Но я думаю, что эти нехристи их наверх увели и посадили в одной из комнат, скорее всего, в нашей с княгиней опочивальне.

– Стало быть, точно ты не знаешь?

– Нет.

– Ладно, узнаем. Ты деньги-то собрал?

– Со мной они! – Лаперин похлопал ладонью по поясу, в который были вшиты карманы для денег, и спросил: – Везти их разбойникам?

Савельев взглянул на него и заявил:

– Ты, князь, подумал, чего сказал? Мы для чего здесь? Чтобы освободить твою семью, схватить главаря шайки живым, остальных перебить. А ты что? Отвезешь деньги, Табачник сразу захватит тебя и спокойно пойдет вместе со всеми вами в леса, а там и в Литву неведомыми дорогами. Нет, князь, коли делать дело, то на подворье, и не сейчас, а малость попозже, как стемнеет.

Лаперин жалобно взглянул на Крылова.

– Но, Юрий Петрович, Табачник наказал мне привезти деньги засветло.

Крылов кивнул на Савельева и сказал:

– Дмитрия Владимировича слушай, Аркадий Дмитриевич. Он лучше нас с тобой ведает, что делать.

– Он-то, может, и ведает. – В голосе князя зазвучали панические нотки. – Но кто знает, что у Табачника в башке?

– В башке у него одно, – сказал Савельев. – Забрать деньги. Тебя с семейством порубить, ненужных ему холопов тоже пустить под нож. Оставить одного, чтобы помог добраться до Литвы. А там избавиться и от остальных или продать их, если получится. В Литве, как и в Крыму, да кое-где и у нас на Руси, есть людишки, промышляющие торговлей живым товаром. Так что делать все будем так, как я решил.

Лаперин немного успокоился и спросил:

– И каково же твое решение, князь?

– Есть у меня одна задумка. Надо прямо сейчас обсудить ее с ратниками. Вы, князь, покуда тут побудьте, а я с воинами поговорю.

– Время дорого, Дмитрий Владимирович, – опять запаниковал Лаперин.

– Не бойся. Я помню об этом. – Савельев вышел из мастерской и крикнул дружине: – Оставить коней с новым ратником Петром Баталовым и быстро ко мне!

Глава 2

Дружина подошла к воеводе, встала полукругом.

Дмитрий начертил все то, что видел на бумаге, и сказал:

– Значит, так, друзья мои. Вы ведь знаете о том, что случилось в Тихомировке?

Ратники утвердительно закивали.

– Знаем. Князь Крылов сказал нам, – пробурчал Гордей Бессонов.

– Ну и хорошо. Наше дело – освободить семью князя Лаперина, покарать взбунтовавшихся холопов и взять живьем их главаря Богдана Табачника. Какие у кого мысли на этот счет? Я слушаю вас, воины. Только говорите по одному, не все сразу.

– А чего тут мыслить-то, князь? – тут же выдал Осип Горбун. – Сколько разбойников держат в плену семью вельможи?

– Вроде как четверо.

– Вот, всего четверо. А нас семнадцать человек. Все мы имеем немалый боевой опыт, которого у холопов нет и быть не может. Об оружии и доспехах я вообще не говорю. Давай, воевода, скрытно пройдем в лес, а оттуда набросимся на княжеское подворье. Разбойники и охнуть не успеют, как мы порубим их. И главарь никуда не денется, возьмем тепленьким.

Ратники рассмеялись.

Горбун посмотрел на товарищей и продолжил:

– А чего? Я дело говорю. Главное, действовать стремительно и бить их с ходу. А нет, так давайте я один пойду на подворье. – Он нежно погладил свой шестопер, булаву с металлическими штырями. – Вот этот мой ежик быстро разделает всю шайку.

Смех усилился.

– И чего вы ржете как лошади, почуявшие волков?

Савельев взглянул на Горбуна и спросил:

– Ты знаешь, Осип, где сидит семья князя? Вместе ли их держат разбойники? И как ты мыслишь – хотя с мыслями у тебя сегодня что-то не так, – охраняет ли кто пленников? Если так, то сколько человек?

– Да мне без разницы, – ответил Горбун. – А вот оскорблять, князь, меня не следует. Ты спросил, кто чего думает, я ответил. По ходу дела во всем разберемся, узнаем, кто где сидит, разделена ли семья, есть ли при ней охрана.

– А я вот что скажу тебе прямо сейчас. Стоит нам появиться, и возле пленников сразу же окажется Табачник. Думаю, не один, а вместе с тем холопом, который убил своих товарищей из охраны князя. Этим негодьям терять нечего. Они мигом изведут семью. И что мы получим в итоге? Двух порубленных холопов? Отменно, ничего не скажешь.

Горбун пытался что-то возразить, но на него надавил Гордей Бессонов:

– Помолчи, Осип! Дело серьезное. А свой шестопер пока убери. У тебя еще будет время поиграть с ним.

Горбун обиделся, замолчал и отошел назад.

Вперед же выступил Гордей.

– Как ни крути, князь, а без прямой разведки нам не обойтись, – заявил он. – Дабы выполнить задание, надо точно узнать, где находятся пленники, кто охраняет их, чем занимаются остальные разбойники. Только после этого мы сможем действовать. Всю дружину привлекать не след, только шума наделаем. Скажу еще, что разведку можно провести только ночью, тогда же и напасть на разбойников. Покуда светло, скрытно к подворью князя подобраться сложно, если вообще возможно.

Остальные ратники согласились с Бессоновым-старшим.

Князь Дмитрий выслушал его и произнес:

– Все верно, Гордей, но условие Табачника таково – деньги доставить до темноты. Я вот мыслю, а не отправить ли князя Лаперина на подворье? Он отдаст деньги. Понятно, что разбойники не отпустят никого, напротив, захватят и князя. Но коли Табачник затребовал деньги дотемна, то это значит, что он собирается уходить из деревни ночью. В лесу мы можем держать засаду, как разбойники пройдут мимо, нападём на них. Лучники выбьют холопов, я возьму Табачника живьем.

– А из деревни в лес только одна дорога? – спросил Гордей Бессонов.

Савельев посмотрел на него и ответил:

– Это можно узнать у князя Лаперина.

Вперед выступил касимовский татарин Гардай.

– Нечего его спрашивать. Мы с Рустамом, когда еще в Касимове служили, бывали тут, ловили одного изменника. У болота, которое в лесу, недалеко от Тихомировка, и прижали. Не захотел он сдаваться, полез в болото и утонул. Так я скажу, что от деревни в лес только дорог, по которым спокойно проедет повозка, идет никак не менее пяти, а троп так вообще не счесть. По ним отряд всадников пройдет легко, а кони у главаря шайки есть. Зачем ему затруднять путь, тащить с собой повозку? Уходить отсюда надо скрытно, иначе можно на большую беду нарваться. Главарю разбойников это совсем не нужно.

Савельев кивнул и сказал:

– Икрам, благодарю тебя. Значит, мое предложение не подходит. Все пути отхода из деревни на запад и юго-запад мы закрыть не сможем.

– Точно так, воевода, – подтвердил татарин.

Дмитрий принял решение. Оно пришло к нему в последний момент.

– Тогда назначаю отряд, который будет действовать в Тихомировке: я, Влас Бессонов, Истома Уваров, Надежа Дрозд и... – Савельев осмотрел дружину.

Горбун вновь подался вперед и пробасил:

– Князь, не обижай!

Дмитрий улыбнулся.

– И Осип Горбун.

Физиономия богатыря расплылась в довольной ухмылке.

– Благодарствую, воевода.

– Ты так говоришь, словно я тебя домой, на Москву отправляю, а не в бой собираюсь послать.

Кузьма Новик усмехнулся и заявил:

– А ему, Дмитрий Владимирович, на Москву сейчас и не надо. Он оттуда бежал как угорелый.

– Почему так?

– Да торговка Клавка, с которой он любовь крутил, прознала, что Осип бросить ее надумал, и решила прибить его. Так она и сделала, швырнула в него топор, да вот самую малость промахнулась. Он совсем рядом с башкой нашего друга Осипа пролетел.

Дмитрий посмотрел на Горбуна и заявил:

– Да, Осип, повезло тебе, уцелел в такой заварухе, сумел ноги унести. Ну да ты не кручинься. Как стемнеет, на разбойниках в Тихомировке душу отведешь, сполна отыграешься. А теперь все! – Князь Савельев резко повысил голос. – Хватит болтать! Я к вельможам. Дружинникам, назначенным в отряд, быть под рукой, у здания, с конями, остальным отдыхать. Гордей!

Бессонов-старший ответил:

– Да, князь!

– Займись людьми!

– Слушаюсь, воевода!

Гордей начал называть имена ратников, определенных в отряд, Дмитрий же прошел в мастерскую.

Крылов взглянул на него и осведомился:

– Ну и чего ты придумал, воевода? Теперь-то расскажешь?

Ответные слова Савельева ошарашили не только его:

– До темноты спасти семью князя Лаперина невозможно. Я уже не говорю о захвате Табачника, главаря шайки.

– Но, Дмитрий Владимирович, как стемнеет, Табачник убьет семью и уйдет. Аркадий Дмитриевич говорил, что если тот слово дал, то обязательно его сдержит. Отчаянный разбойник, – произнес Крылов.

Дмитрий вздохнул и спросил:

– Так какого черта ты, князь, этого отчаянного разбойника держал своим первым помощником в вотчине?

Лаперин обхватил голову руками и проговорил:

– Все пропало. Придется мне идти к Табачнику, а там уж будет как Бог даст.

– А там Табачник прибьет тебя, князь, заберет жену, дочь с сыном и спрячется в лесу. Мы даже засаду выставить не сможем, так как дорог и троп там слишком много. Уйдет душегуб с деньгами и ясырем, как говорят татары, в Литву. А там твоя жена и дочь с сыном вполне могут стать настоящим товаром. Людей, желающих купить невольников, везде полно, и все мы об этом прекрасно знаем, – сказал воевода особой дружины.

Крылов посмотрел на него и заявил:

– Но должен же быть какой-то выход из этого положения, Дмитрий Владимирович.

– У меня есть кое-какие соображения, но князь Лаперин должен в точности исполнять их. Лаперин встрепенулся.

– Сделаю все, что нужно.

– Ну, тогда так. Сейчас передай мне двести рублей, с собой возьми только сто. Хотя нет, и этого много будет. Бери двадцать, остальное мне. С этими деньгами езжай к Табачнику.

– Ты с ума сошел, князь? – воскликнул Лаперин. – Это же вызовет ярость у лиходея, и он тут же убьет кого-нибудь из моей семьи.

– Не убьет. Скажешь, что сегодня на Москве, как назло, не встретил никого из товарищей. Все они разъехались по вотчинам, а на то, чтобы искать их там, уйдет не один день и даже не два. Только после обеда ты случайно заметил знакомого купца. Он только что продал свой товар, но деньги ему обещали дать вечером. Этот человек согласился дать тебе триста рублей в долг, сказал, сам привезет их в Тихомировку. Но это произойдет никак не раньше вечерней молитвы, а то и позже, ближе к ночи. Скажешь еще, что купец может быть с охраной. Ты просил его не брать с собой много людей, но один человек при нем обязательно будет.

– Не исключено, что Табачник и поведется на это, но обязательно спросит, говорил ли Аркадий Дмитриевич тому купцу, зачем ему деньги, – сказал Крылов.

– Любой человек спросил бы об этом. Надо объяснить разбойнику, что князь сказал купцу, будто его сосед боярин решил продать свою землю. А это обширные угодья, упускать такой случай глупо. Купец в таких делах соображает быстро. Поэтому он согласился дать деньги и запросил в отдачу в два раза больше. Аркадию Дмитриевичу пришлось согласиться. Вот так перед Табачником встанет выбор – уйти с двадцатью рублями, которые в Литве мало помогут ему, либо дождаться той суммы, которую он запросил.

Крылов встал, прошелся по мастерской, перекрестился на икону, висевшую в углу, и спросил:

– А его не встревожит этот купец с охраной?

– Встревожит. Но без охраны никто не повез бы такие деньги даже сюда, в ближайшую вотчину. То обстоятельство, что с купцом будет охрана, напротив, должно убедить Табачника

в том, что князь не лжет и не задумал никакого коварства. Ведь разбойник считает, что если князь сдал бы его, то государь, несмотря ни на какие уговоры, выслал бы на лиходеев сильную дружину. Она не дала бы им уйти. А по моему плану получается, что князь Лаперин сохранил в тайне истинную причину своей нужды в деньгах. Проверить же, продает сосед боярин землю или нет, главарь шайки не сможет. Убивать Аркадия Дмитриевича или кого из семьи ему нет никакой нужды. Да, его охватит ярость, он будет грозить, но смирится. Деваться ему некуда, если только он не решится уйти в Литву с двадцатью рублями. Но этот негодяй, как говорил Аркадий Дмитриевич, не глуп. Он все обдумает и решит подождать, как нам и нужно.

– А купцом будешь?.. – начал было Крылов, но Савельев прервал его:

– Это все, о чем можно говорить.

Князь понял воеводу и сказал Лаперину:

– Придется так и поступить, Аркадий Дмитриевич.

Тот развел руками и заявил:

– Если люди, опытные в этих делах, решают так, то мне остается только согласиться с ними. А как мне назвать этого купца? Табачник знает многих из московского торгового люда.

В разговор вступил Крылов:

– Скажи, что деньги тебе обещал привезти купец Гурьян Грач. Он ведет большие дела с иноземцами, человек далеко не бедный, в долг дает охотно, если, конечно, ему возвращают больше. Табачник, скорее всего, слышал о нем, но вот проверить он ничего не в состоянии. Это нам и требуется.

– Понял, – сказал Лаперин и спросил: – Так я поехал?

– Погоди еще. Солнце пошло к закату. Как скроется за колокольной, так и поедешь, а то получится, что ты толком и не искал деньги. Тебе надо вернуться в Тихомировку перед самым наступлением темноты, – проговорил Савельев.

– А ты?

– А я своими делами займусь. – Савельев взглянул на Лаперина и добавил: – Даже не сомневайся, князь, моя дружина выполнит задание. Так бывало уже не раз.

– Добро, стало быть, пока ждем.

Время прошло быстро. Вскоре солнце спряталось за колокольной монастыря.

Савельев поднялся, взглянул на Лаперина и проговорил:

– Пора тебе, Аркадий Дмитриевич. Помни о том, что ты очень огорчен тем обстоятельством, что тебе не удалось ко времени собрать деньги, в то же время рад, что купец согласился помочь тебе. Ты не бойся Табачника. Он хоть и лиходей, но тоже не желает оказаться на плахе. А стоит ему убить кого-то из твоей семьи, так этот негодяй непременно туда и угодит.

– Я постараюсь.

После обеда Табачник, оставив при пленниках Магону, а у ворот – Чибиса, Тугина отправил на башенку.

Тот завидел Лаперина и крикнул вниз:

– Гришка, беги к Табачнику, скажи ему, что князь едет.

– Один?

– Вижу одного.

– По сторонам погляди.

– Поблизости никого больше нет.

– Ладно. – Чибис побежал в дом.

Табачник вышел во двор, Гришка открыл ворота, встал рядом.

Лаперин въехал во двор, спрыгнул с коня. Чибис тут же схватился за поводья.

– Веди коня в конюшню, Гришка, – распорядился Табачник. – Сашка!.. – крикнул он Тугину.

- Ну?
- Чего в округе? И не нукай, не запряг.
- А чего в округе-то? Ничего. Дорога пуста. Крестьяне с поля и луга ушли.
- Вот и хорошо, – сказал Табачник, взглянул на Лаперина и спросил: – Ну что, князь, привез деньги?
- Только двадцать рублей.
- Чего? Ты что, вздумал шутки со мной шутить?
- Дома у меня больше не было, хотел занять у знакомых, да те все разъехались из Москвы по вотчинам.
- И что теперь? Прикажешь мне перебить всю твою семью?
- погоди, Богдан. Я уже и не знал, что мне делать, но случайно встретил одного купца. Ты о нем должен слышать. Это Гурьян Грач.
- Ну, слышал, а дальше-то что?
- Я сказал ему, что сосед мой дешево землю продает, хочу купить, а на это деньги нужны. У Грача они всегда есть. Только собрать надо. Он обещал дать, но я потом должен буду вернуть в два раза больше.
- Мне плевать, чего с тебя купец затребовал! Где деньги? Как он даст их тебе, когда ты тут?
- А коли я не приехал бы сюда засветло, то ты ведь убил бы мою семью.
- Табачник усмехнулся и подтвердил:
- Да, убил бы! Ты знаешь, что мое слово крепкое.
- Князь Лаперин вздохнул и продолжил:
- Вот я и решил ехать в вотчину с тем, что у меня было. Грача попросил привезти сюда недостающие деньги, но сделать это в тайне, чтобы кто другой не позарился на соседские земли и не опередил меня. Грач согласился. Поэтому я тут. Двадцать рублей тебе отдать?
- Табачник прищурился и внимательно посмотрел на князя, пытаясь понять, врет он или же на самом деле так вышло. Но неправду говорить вроде как смысла нет. Да и то, что князь приехал сюда, вполне объяснимо. Он боится за свою семью. Купец же Грач всей Москве отлично известен. Деньги у него всегда есть. Он прославился еще и своей неумной жадностью, задаром ничего не делает. То, что запросил двойную отдачу, вполне в его натуре. А коли князь обещался вернуть должок с таким барышом, то зачем об этом кому-то говорить? Все вроде сходилась.
- Не по душе Табачнику было лишь то, что купец сам привезет деньги. Он один не поедет, с охраной будет. А вдруг князь договорился с ним, обещал еще столько же денег, если тот поможет ему спасти семью?
- Купец ведь обязательно охрану с собой возьмет. Она у него крепкая должна быть при таких-то деньгах, – сказал Табачник.
- Я говорил о том с Гурьяном, просил его взять с собой одного человека, не больше, – заявил князь.
- Он ничего не заподозрил?
- Удивился. Спросил, какое мое дело до того, с кем он будет. Мол, скажи спасибо, что я вообще согласился ехать на ночь глядя.
- Ну да, за двойную отдачу.
- Лаперин кивнул.
- Я ему то же самое сказал. Дескать, сегодня мне скрытность нужна. Завтра хоть со всей городской стражей приезжай на село. Согласился он и с этим.
- Ладно. Когда ждать купца?
- Обещался, что как соберет нужную сумму, так и приедет, но предупредил, что засветло не успеет. Охраны возьмет столько, сколько ему надо, но коли я прошу, то оставит их в мона-

стыре, кроме одного стражника. Три версты от обители до деревни они без опаски проедут и вдвоем. Вот такие дела, Богдан.

– Ну гляди!.. За дорогой и округой смотрят мои люди. Коли что, то всю твою семью лично порешу. Да и тебя с ней вместе. Ты понял, князь?

– Понял, что уж тут.

– Твои все в вашей опочивальне. Гришка проводит тебя. Там Магоня. Он знает, что делать, если вы поведете себя неправильно.

– Но купца должен встретить я.

– Пусть он сначала приедет. Я погляжу на него и тебя позову. Замечу неладное, всех порешу!..

– Да что ты заладил, порешу да порешу. Получишь деньги и уйдешь в Литву, или куда ты там собрался. Ты мне семью только верни, и о твоих делах никто ничего не узнает.

Табачник рассмеялся и заявил:

– Узнаю своего прежнего хозяина. Теперь верю, что ты не врал. Гриша! – позвал он холопа.

– Что, Богдан?

– Проводи князя к семье. Да сабельку-то ты тут оставь, Аркадий Дмитриевич, как и нож. Князь снял с пояса оружие, бросил к лавке.

– Проводи его, Гриша, – проговорил Табачник. – Передай Магоне мой строгий наказ глядеть за этой семейкой. Если взбрыкнут как кони неразумные, то пусть бьет, но не насмерть, а так, легонько кровь пустит. Уразумел?

– Уразумел!

– Давай! – буркнул Табачник и отвернулся от князя.

Тот вместе с холопом пошел к лестнице.

Табачник выбрал на улицу, посмотрел на деревню. Все спокойно. Ну и хорошо.

Он собрался уходить, как объявилась Валька, жена Чибиса, с сыном.

– Ты опять нам поесть принесла? – спросил Богдан.

Валька как-то хитро взглянула на него и ответила:

– Нельзя вам, мужикам, без еды. Вот пирогов испекла.

– Ну так занеси. Я заплачу тебе.

– Эх, Богдан, знаешь ведь, что мне совсем другой платы хотелось бы.

– Ты бы сына постыдилась, Валька.

– Так он ничего не понимает во взрослых делах.

– Ну, тогда, может, и получится у меня расплатиться с тобой по-иному. Только для этого ты должна остаться здесь, на подворье до утра.

– Я-то согласна, а чего мужу сказать?

– Скажи, что без него дома боязно. Ступай, не до тебя мне сейчас. Хочешь ласки, найдешь, что сбрехать. Иди!

– Ага, Богдан.

Гришка вышел из дома, увидел жену и сына.

– Опять ты? Да еще с Лешкой! – заявил он. – Кто велел приходить?

– Ты не шуми, Гриша. Сына я дома без присмотра оставить не могла, а за харч Табачник заплатит. И вообще, мы с Лешкой сегодня тут останемся.

– Ты это чего?..

– Да я-то ничего, а вот ты сюда, на княжеское подворье, Авдотью кривую водишь!

– Ты с ума сошла? Кто тебе такое сказал?

– Да вся деревня говорит, что ты на нее глаз положил.

– Дура ты, Валька! Она же кривая.

– Ночью того не видно.

– Ты, баба, вообще одурела. Мужа не слушать? Оставь харч и вали домой!

– Вот я на тебя князю пожалуюсь. Видала, как он сюда заезжал. Аркадий Дмитриевич меня в обиду не даст и с тобой разберется! Расскажешь ему, как ты верность супружескую хранишь и с Авдотьей кривой развлекаешься.

Чибис сплюнул.

– Стерва! Ну да ничего, у нас еще будет веселый разговор.

– А ты не пугай меня, Гришка! Я уже пуганая и битая не единожды.

– Схоронись так, чтобы я тебя не видал.

– Схоронюсь. И Лешку спрячу. Нам покойней будет тут, где и ты.

Табачник стоял у подклети и слышал все это.

Он усмехнулся и пробурчал себе под нос:

– Действительно зараза, а не баба. Надо же так запудрить башку мужику. Хотя там у него и нету ничего, пустая она.

Он захватил со двора оружие князя, прошел в каморку и прилег на лавку.

Наступило тягостное время ожидания.

Савельев позвал в мастерскую ратников, отобранных в отряд.

Там он велел всем сесть на лавки, разложил на столе чертеж, сделанный князем Лапериним, и проговорил:

– Делаем так, друзья мои. Истома Уваров, Надежа Дрозд и Осип Горбун, прямо сейчас уходите балкой к лесу, оттуда – к дому Табачника, ложитесь у изгороди и смотрите через щели на княжеское подворье. Там есть башенка, на ней должен быть один из разбойников. Внизу, как я думаю, Табачник выставит второго человека. Сам же он и Магоня должны находиться рядом с семьей князя Лаперина. Где разбойники ее держат, пока неизвестно. Но мы это узнаем.

– Как? – не удержался Бессонов-младший.

– Мы с тобой, Влас, будем изображать купца с охранником. Значит, к нам выйдут князь и Табачник. Главарь разбойников должен увидеть, как купец передаст деньги князю Лаперину. – Савельев повернулся к лучникам и продолжил: – И вот как только мы сойдемся, ты, Истома, и ты, Надежа, бьете холопов, которые окажутся на башенке и внизу, скорее всего, у ворот. Мы с Власом захватываем Табачника. Князь сообщит нам, где семья. Идем туда. – На этом воевода особой дружины сделал паузу.

– Все это сделать не сложно, – сказал Влас. – И лучники прибьют холопов, и мы с тобой, воевода Дмитрий Владимирович, схватим Табачника, и князь проведает, где его семья. Но ведь рядом с ней останется четвертый разбойник. Как его?..

– Магоня, – подсказал Уваров.

– Вот-вот, Магоня. Он услышит шум и прибьет княжескую семью. Все наше дело полетит в тартарары.

Савельев улыбнулся и заявил:

– Влас, а ведь ты совсем забыл про одного из нас.

– Ага! – понял Бессонов. – Осип?

– Да, наш незаменимый богатырь. – Воевода повернулся к Горбуну, внешне совершенно равнодушному, и спросил: – Ты понял, что надо сделать?

– А чего тут понимать-то? Это не с Клавкой разбираться, где война похлеще Ливонской. До начала ваших действий мне надо будет скрытно пролезть на подворье, в дом, отыскать там место заточения семьи князя Лаперина да прибить Магоню, стерегущего их. – Он поднял шестопер. – Это я сделаю одним ударом.

– Наперво надо найти семью, причем тогда, когда Табачник еще будет в доме.

– А глаза и уши на что? Не беспокойся, князь, я пойду не с подклети, а с верхнего этажа, туда залезу по бревнам. Как-нибудь да проберусь в верхние сени, послушаю, что в горнице,

опочивальне, двух комнатах. Коли там спокойно, то это будет значить, что семья князя где-то в подклети. Буду ждать, когда вы перебьете охрану и схватите главаря разбойников. Затаюсь в нижних сенях. Коли потом поднимется шум, то и без указаний князя Лаперина определю, где пленники. Магоня не успеет ничего понять, как уже получит шестопером по макушке.

Савельев кивнул и сказал:

– Верно, но до того как войти в дом, тебе, Осип, следует скрытно осмотреть все постройки на подворье. Это небольшой гостевой дом, летняя кухня, баня, конюшня, хозяйственные постройки в самом углу.

– В конюшне и хозяйственных постройках разбойники княжескую семью держать не будут, а гостевой дом и баню я посмотрю, – сказал Горбун.

– Но скрытно, Осип, – напомнил Савельев.

– Конечно, воевода. Работа не ахти какая. Там всего-то главарь разбойников и двое на внешней охране. Неужто я мимо них незаметно не проскочу? А заметят, так я этих иродов и без булавы прибью так быстро, что они и пискнуть не успеют.

– И тем самым предупредишь Табачника. Если он заметит тебя или не увидит своих охранников, то все поймет.

– Да шучу я, Дмитрий Владимирович. Никого не трону, все сделаю тихо, как оно и надо.

– Как будешь внутри дома, наверху, у окна покачаешь свечой. По этому знаку лучники уже будут на месте, и мы с Власом выйдем на прямой участок дороги, видимой с башенки.

– Уразумел.

– Вот и хорошо. – Савельев взглянул на лучников и осведомился: – Истома, Надежа, вы все поняли?

– Да, воевода, – ответил Дрозд. – Мы должны из леса зайти на подворье главаря шайки, выбрать места, откуда будут видны охранники, и приготовиться прибить их. Искать, я думаю, не придется. Оттуда Магоня стрелял, значит, там есть где пристроиться.

– Бить опять-таки по знаку. На этот раз по моему.

– Что за знак? – спросил Надежа.

– Я ворот рубахи расстегну.

– Хорошо, мы это увидим.

Воевода перевел взгляд в торец помещения, где у кучи крестов сидел князь Крылов.

– Вот так и будем работать, Юрий Петрович, – сказал Дмитрий.

Крылов поднялся и произнес:

– Мысли хорошие, вполне исполнимые. Тут многое будет зависеть от Горбуна. Надеюсь, ты справишься, Осип.

– Не сомневайся, князь.

– Ну что ж, тогда держи, Дмитрий Владимирович. – Крылов протянул Савельеву тугой мешок с деньгами.

– Вот это дело! Деньги наверняка отвлекут внимание Табачника.

– И повозку, Дмитрий Владимирович, настоятель отец Онуфрий выделил.

– Но она известна в округе.

– Вовсе нет, ее только вчера сюда доставили. Коней своих впряжешь.

– Уразумел.

– Один вопрос у меня к тебе, Дмитрий Владимирович.

– Слушаю, Юрий Петрович.

– Что остальные ратники делать будут? Здесь сидеть?

– Выходить всей дружине в лес, поближе к Тихомировке, нет никакой нужды. Все тропы и дороги все одно не перекрыть, а вот местные жители увидеть ратников могут. Посему вы сидите тут. Хватит и малого отряда. Мы справимся с этим делом.

Крылов вздохнул и сказал:

– Ну, гляди, воевода, тебе виднее.

Савельев отдал команду:

– Горбун, Дрозд, Уваров, во двор, на коней и в лес! – отдал команду князь Савельев. – Мы с Власом отправимся в путь, как стемнеет полностью, и доберемся до места, откуда сможем заметить твой сигнал, Осип.

– Угу! Да и мы в темноте начнем свое дело делать.

– Все, друзья мои, вперед!

Горбун, Уваров и Дрозд выехали из задней калитки монастыря, взяли влево, обогнули обитель, оказались в овраге, по нему и пошли дальше. Вскоре всадники оказались в лесу, спешили напротив деревни, привязали коней к деревьям и надели им на морды торбы с овсом.

Потихоньку стемнело. Сегодня небосклон был чист. Света от месяца и звезд вполне хватало для того, чтобы делать дело.

Ратники смотрели на деревню. У Горбуна при себе была копия чертежа, сделанного князем Лапериним.

Он поглядел на него и сказал:

– Слева от улицы сразу подворье Табачника. – Осип взглянул на лучников. – Вам туда, друзья, а мне в обход.

– погоди, не торопись, – проговорил Дрозд. – Видишь, у забора лежит сторожевой пес. Он не подпустит нас к подворью.

– Так прибить его, и все дела, – сказал Горбун.

– Да жалко животину. Собака ведь ни в чем не виновата. Люди заставили ее охранять деревню.

– И что делать будем? Из-за этого пса позволим лиходею прирезать всю семью князя Лаперина?

– Отвлечь бы собаку.

– Эту не отвлечешь. Она свое дело знает, чужаков в деревню не пустит.

– Не подумали мы. Надо было взять из монастыря пару кошаков и бросить их ей под нос. Вот они уж точно отвлекли бы ее, – сказал Уваров.

– Ага, тогда такой шум поднялся бы, что переполошилась бы вся деревня, – проговорил Горбун. – Хочешь ты этого или нет, Истома, а пса бить придется.

– А если где-то тут есть второй, а то и третий?

– Кто такую ораву кормить будет? В деревне обычно сторожевой пес всего один.

Дрозд вздохнул и произнес:

– Да, другого ничего не остается. Жалко псину, но людей еще больше. Они ведь могут погибнуть ни за что.

– Вы тут разбирайтесь, а я пошел по своим делам. Как попаду в дом, найду способ выглянуть и вам знак подать, – произнес Осип.

– А надо? – спросил Дрозд. – Не будет шума, значит, и ты, и мы справились со своими делами до прибытия сюда князя Савельева, а коли поднимется грохот, то, стало быть, оплошали. Тут уж придется идти напролом.

– Ладно, что будет, то и будет. Я пошел!

– С Богом, Осип.

– Ага, вам того же, – сказал Горбун и мигом исчез за деревьями.

Дрозд вышел из леса всего на сажень. Этого хватило, чтобы его заметил сторожевой пес. Он поднялся, опустил голову, прижал хвост, злобно глянул на Надежу и двинулся к нему. Хорошо, что разбойник, сидевший на башенке, теперь не мог его видеть.

Дрозд поднял лук, вставил стрелу, натянул тетиву и проговорил:

– Извиняй, животина, я этого не хотел.

Стрела пробила тело собаки. Пес завалился набок, засучил лапами.

Дружинники тут же бросились к изгороди подворья Табачника. Дыр в ней хватало. Хозяин совсем не следил за порядком.

Ратники действовали осторожно, скрытно перемещались по двору, проверяли все постройки. Они убедились, что здесь никого нет, вышли к изгороди подворья князя Лаперина.

Истوما Уваров припал к щели в ней, тут же поманил к себе Дрозд и сказал:

– Гляди, Надежа! Видны два охранника, как и говорил нам воевода. Один на башенке, головой туда-сюда крутит, другой у ворот, на пенечке сидит. А это еще что?

– Чего?..

– Баба!

– Баба? – удивился Дрозд. – Откуда она тут взялась?

– А я знаю?

Баба подошла к охраннику, сидевшему у ворот, что-то сказала ему.

Тот вспыхнул и заявил:

– Я погляжу, как ты с Лешкой уснешь! И не дай бог прознаю, что к Табачнику липнешь. Прибью! Ты знаешь, какой я, когда зол.

– А Табачник не зол? Да он тебя на куски изрубит!

– Очумела ты, баба! Кому такие речи говоришь? Мужу своему, с которым в церкви повенчана!

– Не шуми. Я же сказала...

Дальше слышно не было. Муж и жена успокоились, говорили теперь чуть ли не шепотом. Вскоре баба ушла в подклеть.

Охранник с башенки окликнул того, который сидел на пне:

– Что, Гришка? Загуляла твоя Валька?

– Заткнись, Сашка, а то морду разобью.

– Да ты не переживай. Табачнику не до твоей жены. У него баба в соседнем селе есть.

Без мужика и детей.

– Откуда знаешь?

– Знаю, да и все. Не мешай. Мне надо за округой смотреть.

– Чего за ней смотреть-то? Купец, о котором говорил Табачник, появится от монастыря.

Чужаков поблизости нет, иначе пес изрядный шум поднял бы.

– Чего-то не видать его. То бродил туда-сюда, а сейчас куда-то подевался.

– А чего ему ходить? Залег там, откуда всю деревню видно, и сторожит. Он это умеет.

Лучники переглянулись и улыбнулись. Знали бы Гришка и Сашка, что приключилось со сторожевым псом.

Уваров занял позицию у этой щели, Дрозд устроился в двух саженях левее. Они приготовили стрелы, положили их на землю и продолжали смотреть за двором.

Горбун тем временем пробрался к задней стороне городьбы. Отсюда он видел крышу бани, конюшню. Была и калитка. Открыть ее – пара пустяков. Ударить ногой, она и вылетит. Но шуметь нельзя.

Пришлось Осипу залезть на крышу бани, так было проще. Он спрыгнул с нее, дернул дверку, убедился в том, что в бане никого нет. Если и мылись в ней люди, то дня два назад, никак не раньше.

Горбун по саду перебежал к конюшне и заглянул туда. Кони обеспокоились, хорошо, что не заржали.

Осип пробрался к гостевому дому, быстро открыл дверь, моля всех святых, чтобы она не скрипнула, и оказался в коридоре. Обследование не заняло много времени. Здесь тоже никого не было.

Горбун тихо выскользнул во двор, дополз до стены княжеского дома и залег под ней. Что дальше? Оконце высоко, с земли до него не достать.

Осип полез по бревнам, с трудом добрался до оконца, ножом выковырял стекло и вместе с ним кое-как просунулся внутрь. В комнате никого не было. Судя по детской кроватке и деревянным игрушкам, стоявшим везде, она предназначалась для малолетнего княжича.

Горбун дошел до двери, приоткрыл ее, заметил свет, пробивающийся из-под створки, расположенной напротив. Там явно кто-то был.

Осип бесшумно добрался до этой двери и услышал:

– Не пялся ты так на девицу, Данила! Голос мужской, знакомый. Да это же сам князь, а девица, значит – княжна. Горбун почесал затылок. Получается, что он нашел комнату, где разбойники держали пленников.

Данила – это Магоня. А вот там ли Табачник? Это вряд ли. Он обязательно вступил бы в разговор. Значит, Табачник где-то в другом месте.

Но это Осипа не касалось. Свое дело он сделал, теперь должен был подать сигнал князю Савельеву, а для этого отыскать свечу. Она наверняка должна быть в комнате княжича, оконце которой выходило как раз на деревню и ту самую дорогу, на которой сейчас находились Савельев с Бессоновым.

Искать Горбуну пришлось недолго. Свеча стояла на столе. Осип достал огниво, чиркнул кремнем о кресало, выбил искру, подпалил трут, зажег свечу. Он высунулся в оконце, из которого недавно вынул стекло, поднял свечу и несколько раз тихо повел ее из стороны в сторону.

Вскоре Осип услышал топот коней и скрип колес повозки, приближающейся к княжескому дому. Он задул свечу, снял из-за спины шестопер, сжал его в руке.

Ну, теперь держись, Магоня! Сейчас ты сполна ответишь за свои паскудные дела!

Горбун встал у двери. Он был готов кинуться в комнату, расположенную напротив.

Огонь свечи увидел Влас, исполнявший обязанности возницы и охранника купца, которого изображал князь Савельев.

Сашка Тугин с башенки заметил повозку и крикнул Чибису:

– Гришка, гости едут! Беги, скажи Табачнику.

Гришка побежал в дом и сразу же вышел оттуда вместе с Табачником.

– Сашка, повозку хорошо видишь? – спросил тот.

– Не очень. Возницу вижу, – ответил Тугин.

– Одет как мужик?

– Не разберу пока. Только на таких повозках простой люд не ездит.

– Крытая, что ли?

– Ага. Колымага с кожаным пологом. Там может быть и один человек, и трое.

Табачник только собрался к жене Чибиса, но понял, что с этим придется повременить.

– Гришка, приготовились! – распорядился он.

Чибис вытащил из-за пояса топорик.

Сам же бывший управитель княжеской вотчины обнажил саблю и крикнул Тугину:

– Чего там, Сашка?

– Приближается колымага. Теперь видно, что под пологом один мужик. Всего, значит, двое.

Табачник ухмыльнулся. Ну да, так и должно быть.

– Далеко повозка?

– Нет, уже в деревню въезжает. Странно, что сторожевой пес не встречает ее.

– Открой калитку! – приказал Табачник Чибису. – Остановится повозка, узнай, кто такие, по какому делу в темень приехали, да топор держи наготове.

– Ладно. А где моя Валька?

– Ты у меня о своей жене спрашиваешь?

– Ее я потом спрошу, – буркнул Чибис, сплюнул и открыл калитку.
Повозка встала напротив ворот. Князь Савельев спрыгнул на землю.

Из калитки выглянул Чибис и осведомился:

– Эй, кто такие, зачем приехали и к кому?

– Я купец Гурьян Грач, приехал к твоему хозяину, холоп! – резко ответил Дмитрий. –
Сообщи об этом князю, да быстро!

– А что ты за вельможа, чтобы начальствовать? Я холоп, да только не твой.

– Кнута захотел?

На топор Савельев не обращал никакого внимания, держал ладонь на рукояти сабли. Влас Бессонов напрягся, был готов в любое мгновение соскочить с колымаги и вступить в бой.

Чибис вновь сплюнул на землю, закрыл калитку и двинулся к дому.

Во дворе к нему подскочил Табачник и прошипел:

– Ты чего это вытворяешь? Хочешь все дело сорвать? Стой у ворот! Я князя сюда приведу.

Табачник поднялся по лестнице, прошел в комнату, где находились пленники.

Магоня увидел главаря шайки и спросил:

– Что, Богдан?..

– Вроде все нормально. Ты тут гляди за бабами. Князь!..

Лаперин повернулся к нему и спросил:

– Чего тебе?

– Похоже, купец твой приехал.

– Я же говорил. – Князь Лаперин встал, отряхнулся, взглянул на Табачника и заявил: –
Оружие отдай.

– Зачем? У себя дома князя сабли и ножи не носят. Их стража охраняет.

Магоня рассмеялся и выдал:

– Воистину так!

– Ладно, – вынужден был согласиться князь. – Значит, ты берешь деньги, и мы тут же едем к границе, так?

– Угу. Давай быстрее, а то купец с виду больно уж грозен.

– Властный человек, со многими вельможами на дружеской ноге.

– Да и денег у него много. Пошли!

Князь в сопровождении Табачника, который вложил саблю в ножны, но готов был мгновенно извлечь ее обратно, прошел до ворот.

Чибис недобро ухмыльнулся и отворил калитку.

Савельев увидел вельможу и воскликнул:

– Что за дела, князь Аркадий Дмитриевич?! Ты ведь сам просил меня помочь тебе, подъехать незаметно, с одним только охранником, а твои холопы на улице меня держат!

– Я не стал их предупреждать, Гурьян.

– Ладно. Пойдем на свет, пересчитаем деньги. Расписку напишешь. Мне тут задерживаться нужды нет. В монастыре стража ждет. Настоятель келью мне выделил хорошую, прохладную.

– Проходи.

– Ты не обессудь, князь, охранник пойдет со мной.

– Ладно.

Табачник и Чибис отошли в сторону, пропустили вельмож.

– Душно сегодня, – проговорил Савельев и расстегнул ворот рубахи.

Тут же раздался короткий шелест. Стрелы вонзились в грудь Чибиса и Тугина, который по-прежнему находился на башенке.

Табачник и дернуться не успел, как Дмитрий развернулся и крепко ударил его в физиономию. В дружине сильнее всех был Горбун, но и воевода имел немалую силу. Его кулак врезался прямо в нос главаря разбойничьей шайки. Табачник взвыл от боли и опустил саблю. Дмитрий нанес ему еще два удара.

Влас тут же повалил Табачника на землю, связал руки и ноги веревкой, приготовленной заранее и спрятанной на теле под рубахой. В рот ему он вставил кляп из куска его же рубахи.

Лаперин проговорил:

– Наверху в спальне моя семья. Там и Магоня. Если он слышал крик Табачника, то убьет всех.

– Не успеет, Аркадий Дмитриевич. Истома!

– Я тут, князь, – ответил лучник.

– Сюда! Охранять главаря!

– Ага.

– Влас, за мной!

Воевода, дружинник и князь Лаперин бросились к лестнице. Через городьбу соседнего подворья перелезли лучники, встали над поверженным, надежно спутанным Табачником.

Глава 3

Шум на улице услышал Магоня.

– Чего это там? – проговорил холоп.

Княгиня и княжна промолчали. Они находились в великой тревоге, не понимали, что происходило там, где находился их муж и отец.

– Пойду, гляну. – Магоня повернулся к княгине. – А ты смотри тут за своим выводком. Если что, прибью!

Он шагнул в коридор и пошел к крыльцу. В это время по лестнице, ведущей в верхние сени, уже поднимались воевода Савельев, Влас Бессонов и князь Лаперин, еще кто-то.

– Ух ты! – воскликнул холоп.

Он выхватил топор, захлопнул дверь, закрыл ее на засов, повернулся, дабы идти в опочивальню, но увидел впереди какой-то неясный силуэт.

– Эй, ты кто? Гришка? Сашка?

– Я твоя смерть, пес ты шелудивый!

– Ага! Обманул, стало быть, князь. Ну что ж, пусть на себя пеняет.

– Ты рот бы свой прикрыл, – спокойно проговорил Горбун, легко поигрывая шестопером. – А то задену случайно, и придется потом соскабливать со стены твои мозги. Хотя откуда им взяться в такой дурной башке?

Княгиня слышала этот разговор и поняла, что кто-то пришел им на выручку. В темных сенях этому человеку будет тяжело драться с Магоной. Она взяла со стола свечу, открыла дверь опочивальни.

– Назад, сучка блудливая! – крикнул Магоня. – На куски изрублю!

– Нет, – так же спокойно сказал Горбун. – Не сможешь. Я не дам.

– Да кто ты такой?

На дверь с крыльца кто-то крепко надавил. Еще немного, и она слетит с петель.

Магоня решил действовать. Он не представлял, какой силой и мастерством обладал воин, стоявший перед ним. Разбойник начал махать топором, наступать на Горбуна.

Тот отошел на пару шагов, потом отвел шестопером удар топора и без остановки сверху вниз вlepил ему по голове. Череп раскололся. Разбойник упал на пол и задергался в судорогах.

Горбун перешагнул через него, пошел к дверям. Та тряслась, но стояла.

– Эй, князь! – Горбун знал, что за створкой находился Савельев. – Погоди ломиться. Нет нужды дверь вышибать. Сейчас я отворю.

– Осип, ты в порядке?

– В полном.

– Семья?

– Тоже.

– А Магоня?

– Он не в порядке. Противно смотреть на то, что от него осталось.

– Отворяй!

– Ага.

Горбун открыл дверь, и мимо ратников особой дружины в опочивальню рванулся князь Лаперин. Он не заметил труп своего бывшего холопа, споткнулся об него, упал, тут же поднялся и вбежал в комнату.

Туда же прошел и Дмитрий Савельев. Влас с Горбуном остались в сенях. Жена и дочь бросились к мужу и отцу, обняли его и заплакали.

Савельев присел на лавку, на которой спал ребенок, вернул князю Лаперину мешок с деньгами и сказал:

– Ну вот, Аркадий Дмитриевич, кажется, и все. Мы сделали свое дело.

– Да, Табачника вы схватили, остальных побили, освободили мою семью. Спасибо вам...

В это время на улице вдруг раздался истошный рев:

– Прибью, собака!

Кричала явно баба.

– Чего это там? Горбун! – крикнул Савельев.

– Тут я.

– Что за рев во дворе?

– Сейчас гляну, – сказал Осип, через малое время заглянул в опочивальню и проговорил: – Князь, там, во дворе, баба Чибиса Валентина едва Бажена вилами не пробила. Хорошо, вовремя отмахнулся. Сейчас ее связали, лежит на земле. Но с ней малец пятилетний. Плачет он. Чего с ними делать-то?

– Пусть пока полежит. За мальцом пусть Истома присмотрит. Я подойду, разберусь.

– Ага, я передам Уварову.

– Давай.

Горбун передал лучнику наказ, вернулся в сени, присел на сундук, стоявший в углу, взглянул на Бессонова-младшего, хотел было что-то ему сказать. Но тут из опочивальни вышли Дмитрий Савельев и князь Лаперин со всей своей семьей. Ратники поднялись.

Воевода взглянул на них и приказал:

– Давайте вниз! Бабу Чибиса и сына его в телегу, что на заднем дворе. Влас, лошадь запрягай. Повезешь их в монастырь.

– Уразумел, князь!

Горбун с Бессоновым спустились по лестнице во двор.

Семья Лапериных уместилась в колымаге. Князь сам повел ее к монастырю.

Шум, поднявшийся на княжеском подворье, разбудил ближайших соседей. К воротам подошли мужики.

Покуда Влас запрягал лошадь, а Горбун сажал в телегу связанную Валентину и сына, Савельев вышел к крестьянам и спросил:

– Чего собрались, люди?

Вперед вышел мужик и осведомился:

– А чего тут за шум поднялся и кто ты таков?

– Я товарищ твоего хозяина, а вам-то, мужики, чего надо?

– Проведать хотели, что случилось.

– Разбой случился самый настоящий. Табачник подбил Чибиса, Магонию и Тугина к измене. Они захватили семью князя и затребовали выкуп, пригрозили, что иначе убьют всех.

Мужик оторопел.

– Да что ты такое говоришь?

– Как оно было, так я и говорю. Посему пришлось нам силой отбивать ваших хозяев.

Табачника мы живым взяли, его ждет суд государев, остальных побили до смерти.

– Вот, стало быть, как?

– Тебя как звать-то? – спросил Савельев мужика.

– Пров Демьянов. А чего?

– Лошадь и телега нужны, тела отвезти в монастырь. С отдачей и платой, само собой.

– Так я свою лошадь дам с телегой, сам и отвезу. А сколько заплатишь?

– Алтын.

– Годится. Сюда подгонять?

– Сюда.

– Побежал я.

Другой мужик подошел к воеводе и спросил:

– Вальку с сыном Лешкой вы тоже прибили?

– Нет, они живы. Мы их сейчас в монастырь отвезем. Малолетний сын ни в чем не виноват, и жена за мужа не ответчица. Да и жить ей одной в деревне после случившегося тяжело будет. Лучше в монастырь.

– Это так.

– Вы все узнали, мужики? Смотрите, не дай бог кто-то из вас решится залезть на княжеское подворье, куда там новые люди не объявятся!

– Да ты что, мы не разбойники, не воры.

– Я вас предупредил! А теперь ступайте по домам, ночь на дворе.

Мужики разошлись.

На подворье подъехал Пров и сказал:

– У меня все готово, вельможа. Как обращаться-то к тебе?

– Князь Дмитрий.

– Гляди ж ты! Еще один! Давненько у нас на деревне не было сразу двоих князей. Хотя это не мое дело. Грузить, что ли, тела?

– Сам управишься?

– Еще копейку дашь, князь Дмитрий, так и управлюсь.

Савельев протянул мужику монетку. Тот взял ее, прошел во двор, погрузил в телегу мертвые тела, накрыл их полотняным пологом и встал за воротами.

Ратники закрыли их и отправились в монастырь. Там они и переночевали.

Утром, после молитвы и завтрака, пришло время возвращаться на Москву. Савельев поручил Бессонову вести свое небольшое войско.

Крылов подошел к Лаперину и спросил:

– А чего ты, князь Аркадий Дмитриевич, на Москву собираешься? Тебе ведь надо в вотчине порядок навести.

– Избавлюсь я от этой деревни, продам ее, – ответил Лаперин. – После того что приключилось, проживать там мы не сможем. Особенно жена и дочь.

– Это, конечно, твое дело.

К Крылову подошел Савельев и сказал:

– Ну а я поеду к себе в Калму, Юрий Петрович, если, конечно, ты не против.

– Езжай. Прими благодарность от имени государя.

– Не за благодарности служим.

Вскоре Дмитрий был в вотчине. Ульяна встретила его. Князь рассказал жене о беде, произошедшей в Тихомировке.

Ульяна выслушала его и возмутилась:

– Да как же так можно-то!

– Можно, Ульяна. Сама видишь.

– А у нас такое тоже может приключиться?

– У нас – нет. Народ не даст. Да и управитель порядочный человек. Совершенно непонятно, как князь Лаперин набрал в ближнюю прислугу изменников.

– Откуда он знал, что Табачник окажется лиходеем?

Слухи по округе распространялись быстро. Днем и в Калме, и в других ближних деревнях и селах стало известно о кровавом деянии, совершенном разбойниками в Тихомировке.

На княжеское подворье пришли мужики.

Князь Дмитрий встретил их и спросил:

– По какому поводу вы явились?

– Да вот решили мы всем миром сказать тебе, князь, что у нас измены не будет. А коли кто хоть заикнется против тебя, Дмитрий Владимирович, того мы сами накажем по-свойски.

– Спасибо, мужики. Занимайтесь своими делами. Если у кого по хозяйству есть вопросы, то задавайте их.

Вперед вышел мужик преклонных лет и сказал:

– Да все в порядке, князь. Одно беспокоит. Коли неурожай в нынешнем году будет, ты нам поможешь?

– Помогу, конечно. Я уже купил зерно, которого всем вам вполне хватит до следующего урожая.

– А дорого возьмешь за зерно?

– Не беспокойтесь, за сколько сам взял, за столько и вам отдам. Кому надо, с отсрочкой.

А тем семьям, которые только что поселились на починках и никаких запасов не имеют, так и даром. Не переживайте за это, мужики.

– Благодарствуем, князь. Помни, что мы за тебя, за семью твою готовы головы сложить.

– Я знаю об этом. Ступайте, мужики, с Богом, занимайтесь спокойно своей работой.

Мужики в пояс поклонились своему князю и ушли со двора.

Ульяна все видела и слышала.

Она подошла к мужу и спросила:

– А сегодня мы что делать будем, Дмитрий?

– А давай поедем к реке, на луг. Я там в траве высплусь. Ведь всю ночь глаз не смыкал.

– Добро, я собираю Володьку.

Но не успела Ульяна отойти, как у ворот остановился всадник.

– Кто это к нам пожаловал? – спросила Ульяна.

– Пойду погляжу, – сказал Дмитрий и вышел за калитку.

Всадник соскочил с коня, поклонился.

– Приветствую тебя, князь Дмитрий Владимирович.

Он тут же завидел Ульяну, поклонился и ей.

– Приветствую, княгиня.

– И тебе доброго здравия, воин, – проговорил воевода особой дружины и поинтересовался: – Как зовут тебя? С чем приехал?

– Я Федор Голубов. Государь всея Руси прислал меня к тебе, князь, со своим наказом.

– И что велел передать государь, Федор? – спросил Савельев.

– Сегодня после полуденной молитвы и трапезы ты, князь Дмитрий Владимирович, должен прибыть к нему во дворец.

– Вот и кончился мой отдых, так и не начавшись, – проговорил Дмитрий.

Гонец не понял его.

– Ты что-то сказал, князь?

– Нет, ничего. Собираюсь, выезжаю.

– Мне велено сопровождать тебя.

– Если велено, то сопровождай. Только я и семью с собой заберу.

– Это твое дело.

– Скажи еще вот что. Князя Крылова государь к себе не вызвал?

– Того не ведаю.

– Ясно. Ты пройди на кухню, там тебя накормят.

– Благодарствую, князь. Коня бы напоить.

– И коня напоят. – Савельев кликнул к себе управителя Севастьянова и приказал ему: –

Прими царского посланца, Аким!

– Сделаю, князь.

– И приготовь повозку с кучером.

Управитель кивнул и сказал гонцу:

– Следуй за мной, воин.

Ульяна, конечно, все слышала и заявила, нисколько не скрывая своего недовольства:

– Вот и съездили на луг, вот и выпался ты, Дмитрий.

– Ничего, выплюсь еще. Собирайся, лебедушка моя. Не следует заставлять государя ждать.

– Да, Дмитрий, собираюсь.

К Москве Савельев с Ульяной, сыном и гонцом подъехали, когда солнце встало в зенит. Приезда хозяев слуги не ожидали, поэтому ворота были заперты.

Дмитрий постучал рукоятью плети по доскам и закричал:

– Эй, народ, есть кто дома?

Голос князя услышал служка Прошка, который постоянно был занят какими-то делами во дворе.

– Дядька Степан, тетка Авдотья, хозяйева вернулись! – завопил он.

Стряпуха заохала, заметалась. Ключник Габра выскочил во двор, поправляя одежду.

Прошка отворил ворота, поклонился и сказал:

– Доброго здравия вам, господа.

– И тебе тоже, Прошка, – ответил князь.

Возница Ефимий, прибывший из Калмы, спросил:

– Я могу домой вернуться, князь?

– А пообедать?..

– Дома пообедаю, коли дозволишь, Дмитрий Владимирович.

– Отчего не позволить, езжай.

Возница повернул повозку и повел ее обратно в Калму. В Москве у князя была еще одна карета для выезда. Но он, как и другие жители столицы, в том числе и самые знатные, чаще передвигался по городу верхом либо пешком.

Авдотья убежала в летнюю кухню, а Габра сказал хозяину:

– Я сей же миг пошлю Прошку баньку растопить. Авдотья обед приготовит. На это уйдет время, князь. Извиняй, нынче мы вас никак не ждали.

– Я и сам не знал, что приеду. Но сейчас на подворье не задержусь, дело у меня есть. Вы с Авдотьей и Прошкой занимайтесь хозяйством.

– Угу. Все скоро будет готово.

Ульяна тем временем уложила сына спать.

Дмитрий же в сопровождении гонца отправился в Кремль.

Стража пропустила их туда беспрепятственно, была предупреждена. Гонец, выполнивший свое задание, остался у Спасских ворот, а воевода особой дружины поехал дальше.

Государя с небольшой свитой, князя Крылова и лиходея Табачника, стоявшего перед ними на коленях, Дмитрий завидел, как только свернул ко дворцу. Он заметил, что государь и Крылов его увидели, но не стал подъезжать к ним, спешился и принялся смотреть на суд.

Иван Васильевич был суров и безжалостен.

– Вот как ты, пес смердящий, отплатил своему хозяину за то, что тот дал тебе вольную! – заявил он. – Решился на убийство княжеской семьи ради денег. Пошел на измену, разбойник и вор! Удумал захватить беззащитных женщин и двухлетнего княжича!

Табачник, весь бледный, стоял на коленях и дрожал:

– Бес попутал, государь, не вели казнить, отправь в темницу, в Сибирь, куда угодно, только прошу, прости меня и сохрани жизнь, – пролепетал он.

– А ты сохранил бы жизнь князю, его семье, да и подельникам своим? Почему ты так легко убил своих недавних товарищей?

– Это не я, а холопы.

– Замолчи, пес! Окажись ты за пределами Руси, всех бы там извел, а у меня жизнь вымалываешь. Не надейся. Нет тебе прощения.

– Не вели казнить! – взвыл Табачник и ударился лбом о брусчатку.

Государь подозвал к себе ближнего боярина и повелел:

– Покуда в темницу его, на цепь. Сейчас же оповестить народ о завтрашней показательной казни на Лобном месте. Пусть люди поглядят, как подыхает этот тать. Увести!

Стража схватила завывшего от бессилия и страха Табачника, напрочь лишившегося былой дерзости, и потащила в темницу. Гонцы и глашатаи двинулись к воротам, выполнять наказ царя.

Как стражники утащили разбойника, Иван Грозный взглянул на Савельева и сказал:

– А ты, Дмитрий, чего это там притулился? Ты схватил этого лиходея Табачника, побил шайку, спас князя и его семью, а в стороне стоишь.

– Государь, так ты же занят был, суд творил. Я мешать не хотел, – сказал Дмитрий.

– Оставь коня и вместе с князем Крыловым отправляйся во дворец. Он знает, куда, в какую палату вам идти.

– Слушаюсь!

Дмитрий передал коня стражнику, подошел к Крылову и спросил:

– Что случилось, Юрий Петрович?

– Не знаю, Дмитрий Владимирович.

– Ну конечно, как всегда.

– На этот раз правду говорю. Как привезли сюда Табачника и Лаперина, так государь поначалу с князем говорил. Аркадий Дмитриевич поведал ему, как ты расправился с лихоедами и освободил его семью, потом вышел к разбойнику. Тут и ты подъехал. Я удивился, но подумал, что царь позвал тебя, чтобы отблагодарить за отменно выполненную работу. Может, так оно и есть?

Савельев вздохнул и проговорил:

– Государь мог сделать это и позже, и сейчас, здесь же, у дворца, при всех. Но позвал внутрь, кстати, куда именно?

– В тайную палату.

– Вот, в тайную палату! Значит, не в благодарности дело. У Ивана Васильевича есть новое задание для особой дружины.

Крылов пожал плечами и сказал:

– Может, и так. Пойдем, Дмитрий Владимирович.

Они прошли по хитросплетениям коридоров дворца и оказались в небольшой палате. Кроме кресла-трона, на котором восседал Иван Грозный, да простых лавок на каменном полу, там ничего не было. В помещении даже сейчас, днем, горели свечи, потому как окон здесь не имелось.

Царь указал на лавки и произнес:

– Садитесь, князь. Знаю, что вы с дороги, передохнуть толком не успели. Но так уж вышло. Мне надобно будет выехать из города, а до того дать задание особой дружине. Посему обговорим все прямо сейчас.

Крылов поклонился и заявил:

– Твое слово для нас закон, государь.

Князь сели на лавку.

Иван Васильевич взглянул на них и заговорил:

– Вам хорошо известно, что такое Ногайская Орда. Вот о ней речь сейчас и пойдет. Она выделилась из Золотой Орды, когда та распалась. Ее территория сто пятьдесят лет назад простиралась от реки Яик до Волги, доходила до Иртыша и до Аральского моря. Там проживали и другие народности, половцы например. Ногайская Орда могла выставить более чем триста тысяч воинов. У нас в Москве есть ногайские дворы, главный – в Кожевниках, другие в Замоскворечье. Ногайцы живут и в Татарской слободе. Только в прошлом году, когда мы вернули

Полоцк, ногаи пригнали к столице более восьми тысяч лошадей. У нас, можно сказать, большая часть рати сидит на ногайских конях. Но, как и Золотая Орда, ногайцы не избежали междоусобицы. Тому пример – противостояние между их биями Юсуфом и Исмаилом. Бий у них, это как хан в Крыму. Девять лет назад Юсуф был убит. Войну продолжили его сыновья. Эта свара закончилась смертью Исмаила в прошлом году, сильным разорением и упадком орды. Когда шла междоусобица, земли ногаев настигли засуха и голод. Два года подряд орда оставалась без урожая. Тогда многие ногайцы ушли в Крым. С Исмаилом у меня были дружеские отношения, он являлся союзником Москвы, но удержать единой свою страну не смог. Бий Казый основал Малую Ногайскую Орду у реки Кубань и Приазовья. От нее откололась Алтыулская Орда. Сейчас ею правит сын Исмаила Тинехмат. В Малой же главенствует все тот же Казый, коего в приязни к Москве заподозрить трудно. Слишком уж велико влияние на орду крымского хана. – Иван Васильевич взял паузу, посмотрел на князей и спросил: – Утомил я вас?

– Нет, конечно, – ответил Крылов. – Но я одного не разумею. Зачем ты все это сейчас говоришь, государь? История Ногайской Орды нам известна. Кроме, может быть, некоторых незначительных событий.

Царь кивнул и сказал:

– Да, это общая картина взлета и падения орды. А то, что происходит там сегодня, очень интересно и в то же время весьма тревожно.

Князья переглянулись.

Государь поднялся, прошелся по палате и продолжил:

– Как будет далее править Казый, я не знаю, но не сомневаюсь в том, что Девлет-Гирей не выпустит его из своего влияния. У крымского хана есть свои надежды на Малую Орду. Она, конечно, ослабла, но даже в этом состоянии способна выставить до шестидесяти тысяч всадников. Ногаи почитаются лучшими воинами из всех татар, самыми отчаянными и свирепыми. Между нами установились добрые отношения, однако голодные взгляды Ногайской Орды не раз обращались на Москву. Еще хан Юсуф одиннадцать лет назад выпытывал у нашего пленного гонца, где можно свободно переправиться через Оку и подойти к московским землям, чтобы взять хороший ясырь, поживиться нашим добром. Пленник уверял его в том, что он не сможет добиться успеха, однако Юсуф повел-таки на Москву сто двадцать тысяч воинов. Он дошел до Волги и Дона, затем до Оки. Ногайцы сильны в открытых сражениях в чистом поле, но вот крепости осаждать не приучены. Они просто не знают, как это делается. Посему их поход завершился между Серпуховом и Каширой. Наши войска в полной мере использовали укрепления этих городов и смогли отразить нападение. Юсуф увел орду в свои земли, так ничего и не заполучив. Но стремление разорять русские земли у ногаев осталось. Оно поддерживается из Крыма. Позавчера из орды прибыли мурзы, пригнали еще коней, встали за Яузой. Наши купцы начали торговаться с ними. В тот же вечер, уже после захода солнца, мурза Салмай тайно приехал в Кремль, в Посольский приказ.

Дмитрий знал, что во время таких разговоров Иван Васильевич позволял собеседникам перебивать его, задавать вопросы, поэтому спросил:

– Как этот мурза смог тайно проникнуть в Кремль?

– Через скрытый проход, идущий от Тайницкой башни. Мурза поступил хитро. Сначала он послал туда своего верного человека. Тот сказал страже, что ногайский вельможа желает поговорить с думным дьяком Иваном Висковатовым, главой Посольского приказа. Десятник стражи сообщил ему об этом. Дьяк тут же сказал мне о намерениях мурзы. Я повелел Висковатову провести переговоры, а если будет такая нужда, то доставить мурзу Салмая ко мне. Вот так оно и вышло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.